

УДК 82-1/-9

ДНЕВНИК КАК ЛИТЕРАТУРНАЯ ФОРМА

Л.М. Пивоварова

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые жанровые особенности дневниковой публицистики.

Нашу историко-культурную эпоху кто-то называет эпохой комментаторства, другие – временем справочников и каталогов, энциклопедией и словарей, третьи считают, что наше время – время эссеистики. Присоединимся к последним. Действительно, мемуары, эссе, забытые дневники заняли заметное место в литературно-художественных и искусствоведческих журналах последних десятилетий. Если популярность литературного жанра становится показателем духовного состояния общества в то или иное время, то востребованность именно этого старого жанра сегодня вполне объяснима. Мы переживаем время самопознания, порой трудного и болезненного, самопознания своей истории, своих мифов, кумиров, заблуждений и пр. И это вызывает повышенную ценностную нагрузку дневниковой формы. С. Булгаков, чьи дневники публиковал сравнительно недавно «Новый мир», писал: «Нужно особое проникновение, и, может быть, наиболее глубокое и трудное, чтобы познать самого себя в своей природной индивидуальности, уметь полюбить свое, род и родину, постигнуть в ней самое себя» [1, с. 204].

Эссеистический тип мышления [2, с. 120–152] давно был привлекателен для писателей и публицистов, хотевших рассказать о времени и о себе в свободной манере повествования. Работая над «Заграничным дневником провинциала», Г. Успенский намеревался «печатать так, как думается, в самой разнообразной форме, не прибегая к крайне стеснительным в настоящее время формам повести, очерка» [3, с. 450]. И. Бунин считал дневник одной из самых прекрасных литературных форм, которая в будущем может вытеснить все прочие. Ю. Тынянов приветствовал исследование истории современности через конкретную судьбу. «Жанр, в котором философия истории должна была скрещиваться с «собственной историей», представлялся ему как новый путь художественно-научного мышления», – свидетельствует В. Каверин [4, с. 78].

Утверждение такой литературной формы связано «со становлением и эволюцией идеи личностной автономии в истории культуры, прежде всего европейской» [5, с. 10]. Но если биография – жанр «реставраторского» периода, следующего за переломным, периода «нормализации существования, когда закрепляются победы, подводится баланс достижений и утрат, устанавливаются

обновленные рамки коллективного существования, складываются образцы жизни новых групп» [5, с. 11], то дневник чаще всего фиксирует сам процесс перемен, сюжеты драматической ломки, поиски места в общественных отношениях, а самое главное – он дает возможность проникнуть в глубинные слои культуры и человеческой души.

История жанра подтверждает это наблюдение. Дневник – не столько публицистика факта, сколько публицистика переживания факта, способ осознания своей роли в процессе истории. Здесь главное – человек в его конкретно-исторических связях, с его интересами, мотивами, установками и ориентацией. Дневниковая публицистика вбирает в себя те пласты жизни, которые не всегда попадают в открытую журнально-газетную публицистику. И это делает ее особенно ценной. Ведь история состоит не только из событий, указов, войн, заседаний, но и из ожидания события, из «превратных вестей о нем, из насмешек над ним или его восхвалений» [6, с. 50]. Недавние публикации сильных, мужественных дневников К. Чуковского, М. Пришвина, Л. Чуковской, Г. Козинцева, И. Бунина, А. Белого и др. не только отразили духовные искания российской интеллигенции, но помогли увидеть общественно-политические и художественно-литературные процессы в их разнообразии и трагизме.

Можно даже говорить об особой роли дневниковой литературы в отдельные этапы жизни страны. «Герцен не мог не писать дневник, потому что это была для него единственная возможность говорить в годы, обреченные на молчание. Из формы дневника родилась и форма писем» [7, с. 88]. Г. Козинцев, записавший эти слова в своих откровенных рабочих тетрадях 1948–49 гг., сам много раздумывал над тем, как соединить жестокость оценок общественно-политической ситуации с художественными поисками. «Время было такое, что сам не знал, как записать то, что хотелось» [7, с. 84].

Поразительным документом, отразившим трагическую судьбу поколения и органическую слитность личной и народной судьбы, стали дневники О. Берггольц (публиковались в журнале «Звезда» в 1990 году). Душевная обнаженность их потрясает читателя, а суровая, прямая мысль делает обвинительным документом. Ей удалось в дневнике с пронзительной силой прокричать то, что тогда и прошептать было опасно.

Дневник – глубоко персонифицированный жанр. Для него характерна подчеркнута индивидуальная позиция автора в сочетании с непринужденным изложением. В этой личности, импрессионизме – его своеобразие. Именно эти и подобные свидетельства позволили позднее воссоздать лицо эпохи более объективно, стали важными историко-литературными документами. «Я часто повторяю в дневнике одно и то же, например, о цензуре, о выходе журнала. Это надо записывать, потому что только тогда при чтении дневника можно будет представить нашу повседневную жизнь со всей ее бессмысленной тяготиной, в которой мы меньше всего повинны и которая есть черта нашего времени», – признает А. Кондратович в «Новомирском дневнике» [8, с. 195]. Л. Толстой не советовал М. Сопочко, готовящего свой дневник для печати, делать этого: «в авторе дневника нет ясно определенного особого мирозерцания; нет яркости и силы выражения» [9, с. 296]. И далее объяснял: «В дневнике говорится, что писать дневник полезно для выработки языка, мастерства выраже-

ния. Все это неважно. Важно так полюбить какую-нибудь сторону жизни, так увлечься ею, чтобы ничего не видеть, кроме нее, и от этого увидеть в ней то, что никто не видел, и потом все силы души положить на то, чтобы как можно лучше выразить то, что видишь».

«Дневник» самого Л. Толстого В. Шкловский считал самостоятельным художественным произведением: в нем не только нравственно-философские вопросы человеческого бытия (смысл жизни, назначение человека, вера и безверие, добро и зло и пр.), но и описание событий, портреты людей, «постоянное резюме», а самое главное – «тайна души». «Великий человек, неожиданный, ни на что не похожий, человек со своей дорогой, он и дневники пишет как маленькие рассказы» [10, с. 48].

Можно выделить две тенденции в дневниковой публицистике: 1) дневники, нацеленные прежде всего на точную фиксацию событий, на рассказ об участниках этих событий; 2) дневники, содержащие главным образом субъективные впечатления, повествование о себе.

З. Гиппиус, начиная свои трагические «Петербургские дневники», признается, что ей хотелось запечатлеть не только переломные события, свидетелем которых довелось ей быть. «Меня занимали главным образом люди в них. Занимал каждый человек, его образ, его личность, его роль в той громадной трагедии, его сила, его падения, – его путь, его жизнь» [11, с. 163]. Н. Берберова выбирает другой ракурс: «Я буду говорить о познании себя, об освобождении себя, о раскрытии себя, о зрелости, дающей право на это раскрытие, об одиночестве в муравьиной куче, которое для меня всегда было чем-то более соблазнительным и плодотворным, чем одиночество в гнезде» [12, с. 186]. На практике и Гиппиус, и Берберова вышли далеко за рамки обозначенных задач: их произведения стали проявлением социализации личности, способом приобщения человека к историческим процессам, включения его в исследования действительности. В дневниках их собственная биография служит материалом исповедального свойства, и в то же время авторы привлекают широкий социокультурный фон для раздумий о взаимодействии индивида и общества.

Эти качества дневниковой публицистики особенно проявляют дневники журналистов, и это понятно: профессия позволяет им находиться на авансцене общественной и политической жизни, контактировать с разными людьми. Убедительный пример – «Дневник» А. Суворина. Для Суворина, как истинного газетчика, характерно стремление бросаться в водоворот событий, интерес к личностям разного масштаба. Он был отзывчивым на то, что попадало в поле его зрения, и умел рассказать об увиденном и услышанном сочно, с задором. Он прожил большую жизнь, насыщенную разнообразными событиями, и сама судьба его вызывала удивление. А. Чехов советовал ему даже написать роман, и притом большой, на собственном жизненном материале, убежденный, что получится интересное произведение. Ему казалась поучительной история о том, как провинциальный учитель из Воронежа, бедняк и либеральный журналист, обладавший умом, литературным чутьем и деловым расчетом, превратился во влиятельнейшего издателя, авторитетного литератора и миллионера («Если бы писать, то я стал бы писать политический роман. Но у меня мало наблюдений

среди молодого поколения, а старики мне совсем не нравятся» [13, с. 343], – отвечал на это Суворин в «Дневнике»).

Смотровая площадка у него, как у крупного журналиста, была выигрышная: позволяла увидеть, что творится вверху и что делается внизу. Он заносил в дневник текущие политические и общественные события, литературно-журнальные новости, записывал свои суждения и мысли, мнения других лиц, вспоминал о прошлом. «Все совершавшееся вызывало мысли, будило, раздражало, я негодовал, горел, трусил, проклинал себя и других. Но когда все это выливалось на бумагу и я имел успех у читателей – был удовлетворен» [13, с. 25]. И это, признается он, несмотря на то, что мысль и чувство сжимала цензура. В «Дневнике» он мог писать раскованно, без оглядки на цензуру, поэтому многие записи воспринимаются как саморазоблачение.

Суворин вел дневник на рубеже веков: с 1893 года (в этом году он отмечал 35-летие литературной деятельности) по 1907 год и не предназначал его для печати. Потом он даже недоумевал, зачем вел дневник: «Если писать для истории, то надобно писать иначе», а как писать историю современности, он знал и умел это делать. Но именно это обстоятельство – писание не для публики – делает дневник ценным документом: он помогает проникнуть в неповторимую атмосферу времени.

«Дневник» Суворина написан крупным организатором печати, талантливым журналистом. И это определило основные темы, волнующие автора: журналистика и власть, журналистика и этика, личность и общество, литература и общество, талант и власть и пр. Правительственная политика в отношении прессы в широкой аудитории не обсуждалась, а здесь Суворин дерзнул высказать крамольные суждения. Вот, например, запись за 1896 год: «Какие тяжелые условия для печати!.. Только похвалы печатаешь с легким сердцем, а чуть тронешь этих «государственных людей», которые, в сущности, государственные недоноски и дегенераты, и начинаешь влиять и злиться в душе на себя и на свое холопство, которое нет возможности скинуть» [13, с. 83]. Или запись 2 июня 1907 года: «Хорошо бы написать, почему журналист выше министра. Министры ничего не читают, смотрят свысока и т. д. Репортер-журналист набирается чужих мыслей и распространяет невежество, ибо разговаривает с высокопоставленными, которые говорят много вздору» [13, с. 336].

Дневниковая публицистика, как правило, опирается на широкое информационное поле, несет огромный заряд информации о жизни общества, взаимоотношениях людей в определенную историческую эпоху. В «Дневник» попадали факты, обычно замалчиваемые или допускаемые в зону обсуждения в тенденциозном виде. Так, записи 1903–1904 гг. наполнены критикой самих «основ»: «Мне кажется, что не только я разваливаюсь, не только «Новое время» разваливается, разваливается вся Россия» [14, с. 455]. «Черт знает, как нами управляют. Посидишь этак, послушаешь, и так становится скверно, что понимаешь все, самое гнусное, самое отвратительное, все эти заговоры и убийства» [14, с. 464]. «Самодержавие давно стало фикцией» [14, с. 471] и пр.

Суворин формировался в то время, когда печать помогала утверждению гражданских понятий, когда умственное мужество было в цене. И это навсегда осталось в нем, несмотря на то, что, издавая «Новое время», он открыто занял

позицию человека без «направления». Сотрудничавший в газете А.В. Амфитеатров вспоминал, что в «старике» всегда сказывалась «шестидесятая закладка», нередко «среди разговора вспыхивал вдруг ярким огнем радикал-шестидесятник [15, с. 386]. И это не могло не отразиться на его дневниковых откровениях. Он на практике познал два рычага власти: власть денег и власть идеологии – и разочаровался в том и другом. «Меня утешают, что я власть и что как власть я должен терпеть. Черт с ней, с властью! Чары ее я никогда не ощущал, негде было и некогда. Вечно занят в родном кружке. Лесть одна всегда была неприятна, ибо я никогда не думал о себе высоко... Сколько раз я думал, что попал на высоту не по праву, и сколько раз я плакал у себя в кабинете и спальне...» [13, с. 11]. Не каждый решится обсуждать свою жизнь публично. Но Суворину, о котором в современной ему печати сочиняли разное, важно было представить свою версию жизненного пути, а во-вторых, собственная биография служила для него материалом исповедального свойства, позволяла поделиться впечатлениями, откликнуться на события жизни, политики, литературы. Вот почему для дневника характерна жанровая и тематическая чересполосица, позволившая передать и внутреннюю жизнь, и ценный социальный и литературный опыт незаурядной личности.

«Дневник» Суворина – это и раздумья опытного журналиста о тайнах профессии, и литературные эскизы, пронизательные политические характеристики и общественные картинки, житейские откровения, сплетни и то, что сейчас мы называем «жареными фактами». Причем здесь нет соединительной ткани между фактом, портретом, жанровой оценкой и публицистическими заметками. В отличие от газетных материалов, создающих последовательную летопись времени, здесь – калейдоскоп разнородных фактов и оценок, лишенных четкого фабульного стержня. Но именно в этих подробностях – ценность дневника как публицистического произведения. Так, особенно последовательно и пристрастно следит он за газетной ситуацией. Он ревниво относится к тому, что Мамонтов и Морозов затевают газету с большим капиталом и платят сотрудникам жалованье вперед за 9 месяцев, его волнует, что Амфитеатров уходит из газеты, он раздумывает над факторами успешного газетного бизнеса и приходит к выводу, что «консервативной газетой ничего не поделаешь», его обвиняли в шовинизме, а он записывает в дневнике: «Я не сочувствую порывам консерватизма, направленным против инородцев. Никогда я против них ничего не писал и ни к одной народности не питал вражды» [13, с. 198].

Газету и театр он любил больше всего на свете и всегда говорил о них пылко, с увлечением. Он сумел сделать газету, которая, по свидетельству современников, имела ошеломляющий успех и в России, и за границей и к которой прислушивались и высокопоставленные особы, и широкая читательская публика. «Она взяла всю мою жизнь, дала много горечи, много удовольствий, – признавался Суворин, – Она держала меня в струе умственных интересов и дала мне значение и состояние, но все это ценою каторжного труда» [13, с. 124], впрочем, замечал он далее, «я достиг таких результатов, о которых никогда не мечтал». «Дневник» содержит много сведений об истории этого печатного издания, малоизвестные эпизоды, зарисовки сотрудников, самооценки, комментарии к отдельным публикациям. Газетные истории сменяют откровения изда-

теля-коммерсанта о тайнах газетного предпринимательства, раздумья о непростой доле самостоятельно мыслящего редактора («В наше время надо много смелости и, главное, денег, чтобы говорить правду. Но у кого много денег, те совсем перестают говорить правду и начинают говорить ложь, а у кого их нет, тех преследуют, не дают говорить и т. д.» [13, с. 304]), житейские признания («Деньги и богатство портят людей, особенно тех, которые должны быть независимы по самой своей профессии, как, например, журналисты» [13, с. 277]), точные политические оценки времени («Надо бы свободы совести, личности, печати. Но какая может быть свобода при самодержавии министров, поддерживающих самодержавие» [13, с. 289]).

Жизнь человека, по словам Ю. Лотмана, – это непрерывный диалог с окружающими и с самим собой; соприкосновение речей, кругозоров, идейных и эстетических верований и составляет истинную жизнь культуры. Диалогическую природу имеет и публицистика, чтение публицистического произведения – один из типов социальной и духовной коммуникации в обществе. Коммуникативная функция публицистического текста в дневниках несколько приглушена. Если в газетном тексте – открытая апелляция к читателю (а Суворин блестяще владел формой разговора с читателем – талант собеседника проявился и в фельетонных обозрениях Незнакомца, и в «Письмах к другу», и в «Маленьких письмах» «Нового времени»), то в дневниках автор разговаривает с самим собой. Но и здесь мы встречаемся «с социальным человеком, каждый существенный акт которого идеологически осмыслен словом или прямо воплощен в слове» [16, с. 122], и в дневниковых высказываниях – много собеседников.

К. Леонтьев в мемуарах «Моя литературная судьба» свою позицию формулировал так: «Эти знакомства и встречи важны для меня не по значению самих этих людей, а по роду мыслей, которые они в уме моем тогда пробуждали» [17, с. 454]. У Суворина публицистический диалог складывался иначе и имел другую задачу. В «Дневнике» он выходит далеко за рамки самопортретирования. Его мемуарные заметки имеют особую ценность, так как он общался с людьми замечательными; его заметки о крупных фигурах литературного процесса сохраняют ценность документа (записи о ранних встречах с Л. Толстым, Лесковым). Открывается «Дневник» страничкой воспоминаний об интересной беседе с Ф. Достоевским, заслуживает внимания свидетельство автора о намерении Салтыкова-Щедрина издавать в 1860-е годы журнал «Русская правда».

Отношения Суворина с А.П. Чеховым всегда вызывали интерес и у современников, и у более поздних исследователей творчества писателя. В «Дневнике» в записях о Чехове – неизменный тон почтения и уважения: «Я с Чеховым чувствую себя превосходно» [13, с. 240]. Они во многом были близки, хотя Суворин был на 26 лет старше писателя. Чрезвычайно интересны – среди прочих – свидетельства Суворина о малоизвестном акте из творческой биографии литератора: о его замысле издавать газету. В дневниковых записях 1896–1897 гг. есть свидетельства о том, что Чехов хочет издавать газету с Гольцевым. Суворин записывает по этому поводу, что Чехову лучше издавать газету одному: «Гольцев слишком ничтожный человек, чтобы иметь право сидеть на крыле такого орла, как Чехов» [13, с. 151]. А вот запись от 27 апреля 1898 года: «Париж. Здесь Чехов. Все время со мной. Он рассказал мне, что Короленко убедил

его баллотироваться в члены Союза Писателей, сказав, что это – одна формальность... Оказалось, что среди этого Союза оказалось несколько членов, которые говорили, что Чехова следовало забаллотировать за «мужиков», где он будто бы представил мужиков не в том виде, как следует по радикальному принципу. Поистине, ослы – эти господа, понимающие в литературе меньше даже, чем свиньи в апельсинах, и эти свиньи становятся судьями замечательного писателя! Вот она, эта толпа, из которой выскакивают бездарные подлецы и руководят ею!» [13, с. 179].

Таким образом, «Дневник» Суворина – одно из примечательнейших явлений общественно-литературной жизни рубежа XIX – XX вв. Он более полно дает представление о личности крупного газетчика, организатора печати XIX века, позволяет понять, почему его называли «крупным русским нигилистом» [18, с. 93].

Трудно переоценить вклад дневниковой публицистики в гуманитарное исследование своего времени. Она позволяет внести коррективы в расстановку идейных сил того или иного времени, в понимание общественного сознания эпохи. И прав был Т. Карлейль: «Перестаньте хоть на время читать то, что пишут живые о мертвых, читайте то, что писали о живых давно умершие люди».

Summary

L.M. Pivovarova. Diary as a literary form.

In the article on example of publicistic diaries, some genre traits of this literary form are considered.

Литература

1. *Булгаков С.* Моя Родина. Статьи. Очерки. Письма // Новый мир. – 1989. – № 10. – С. 201–246.
2. *Эпштейн М.* Законы свободного одного жанра. Эссеистика и эссеизм в культуре нового времени // Вопр. лит. – 1987. – № 7. – С. 120–152.
3. *Успенский Г.* Собр. соч.: в 9 т. – Т. 9. Статьи. Письма. – М.: ГИХЛ, 1957.
4. *Каверин В.* Письменный стол. Воспоминания и размышления. – М.: Сов. писатель, 1985. – 272 с.
5. *Дубин Б.В.* Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре) // Лица. Биографический альманах. – М., СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. – № 6. – С. 7–31.
6. *Философия филологии. Круглый стол* // НЛЮ. – 1996. – №17. – С. 45–93.
7. *Искусство кино.* – 1988. – № 7.
8. *Кондратович А.* Последний год. Из «Новомирского дневника» // Новый мир. – 1990. – № 2. – С. 195–252.
9. *Толстой Л.* О литературе. Статьи, письма, дневники. – М.: ГИХЛ, 1955.
10. *Шкловский В.* Энергия заблуждения. Книга о сюжете. – М.: Сов. писатель, 1981. – 351 с.
11. *Гиппиус З.* Живые лица. Воспоминания: в 2 т. – Тбилиси: Мерани, 1991. – Т. 1. – 400 с.
12. *Берберова Н.* Курсив мой: Автобиография // Вопр. лит. – 1988. – № 9. – С. 184–243.

13. Дневник А.С. Суворина / Ред., предисл. и примеч. Мих. Кричевского. – М.-Пг.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. – 407 с.
14. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстол. расшифровка Н.А. Роскиной; Подготовка текста Д. Рейфилда, О.Е. Макаровой. – Л.: The Garnet press; М.: Независимая газета, 1999. – 720 с.
15. *Амфитеатров А.В.* Собр. соч. в 10 т. – Т. 10, кн. 1: Мемуары. Властители дум: Литературные портреты и впечатления. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 751 с.
16. *Бахтин М.М.* Человек в мире слова. – М.: Изд-во Рос. открыт. ун-та, 1995. – 140 с.
17. *Леонтьев К.Н.* Моя литературная судьба. Воспоминания. (Русские мемуары XIX века) / Сост., вступ. статья, примеч. Т.Ф. Прокопова. – М.: Рус. книга, 2002. – 528 с.
18. *Гиппиус З.* Указ. соч. – Т. 1.

Поступила в редакцию
20.10.06

Пивоварова Людмила Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Казанского государственного университета.